

Кира Монро

Идеальное
СОВПАДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Монро

Идеальное совпадение

«Автор»

2026

Кира Монро

Идеальное совпадение / Кира Монро — «Автор», 2026

Скарлетт Митчелл рассчитывала спокойно вернуться из Лондона в Нью-Йорк. Вместо этого ей пришлось восемь часов просидеть в самолёте рядом с Эйданом Синклером — человеком, который ещё в школе умел доводить её до бешенства одним спокойным взглядом. После посадки они должны были снова разойтись и забыть друг о друге. Но Эйдан возвращается в город, чтобы занять место в компании покойного отца, а Скарлетт пытается удержать на плаву собственный модный бренд и доказать семье, что её мечта — не очередная прихоть. Новая встреча быстро вытаскивает наружу старые обиды, упрямство и привычку задевать друг друга точнее, чем кого бы то ни было. А потом одно случайное враньё превращает Эйдана в её парня. Теперь им придётся изображать пару перед семьёй, бывшими одноклассниками и всеми, кто ждёт, когда Скарлетт ошибётся. Они оба понимают, что это временная сделка. Только чем дольше длится эта ложь, тем меньше в ней остаётся притворства.

© Кира Монро, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кира Монро

Идеальное совпадение

ОТ АВТОРА

Все имена, персонажи, события и описанные ситуации являются результатом художественного вымысла автора. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями носят случайный характер.

В тексте произведения могут упоминаться социальные сети и интернет-платформы исключительно в целях художественного повествования и раскрытия сюжета.

Компания Meta Platforms и принадлежащие ей социальные сети Instagram и Facebook признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации. Упоминание данных ресурсов в произведении не является их рекламой, продвижением или призывом к использованию.

ГЛАВА 1

Эта история родилась из моей любви к романтическим комедиям нулевых — тем самым, где герои ненавидят друг друга ровно до тех пор, пока не влюбляются. И да, турбулентность там обычно начинается не в воздухе.

Taylor Swift – I Knew You Were Trouble

Скарлетт

В современной жизни хватает раздражающих мелочей: медленный интернет, видео, которое никак не грузится, ливень и зонт, выворачивающийся наизнанку в самый неподходящий момент, человек, намеренно спойлерящий финал книги или фильма, отчаянный рывок к поезду метро или лифту — ровно за секунду до того, как двери захлопнутся перед носом.

Мелкие неудобства. Типичные проблемы благополучной жизни, если угодно.

А потом ты садишься в самолёт и понимаешь: твоим соседом на восьмичасовом рейсе домой оказался не кто иной, как заклятый враг и соперник со школьных времён.

Идеальное завершение поездки в Лондон и моего первого отпуска за последние пять лет. Сарказм, разумеется.

Это могло бы стать началом моей собственной романтической комедии. Я могла бы сидеть рядом с милым незнакомцем. Мы болтали бы ни о чём, слегка жаловались на жизнь. Началась бы турбулентность, я схватила бы его за руку, а потом, конечно же, «случайно» уснула бы у него на плече. После посадки мы разошлись бы в разные стороны, но судьба — наглая, настойчивая и явно без чувства меры — продолжала бы сталкивать нас в самых неожиданных местах.

Но у вселенной, как обычно, был план похуже.

Я опускаюсь в своё кресло, и взгляд невольно скользит к темноволосому мужчине рядом. Он полностью погружён в чтение газеты. Она закрывает половину его лица, но одного профиля достаточно, чтобы у меня на секунду сбилось дыхание.

Карие глаза. Тёмно-каштановые волосы. Линия челюсти, за которую, вероятно, где-то вручали отдельную генетическую премию.

Лицо с большой буквы — из тех, что заставляют задержать взгляд, даже если ты прекрасно знаешь: за красивой упаковкой может скрываться человек, созданный исключительно для того, чтобы портить тебе настроение.

Эйдан Синклер.

Казалось бы, карма за восемь лет могла бы сработать. Но нет. Вот он, во всей своей безупречности: в тёмно-синем костюме, сидящем так, будто его шили прямо на нём. Плечи, грудь, идеальная посадка — всё выглядело слишком собранно для человека, которому предстояло провести восемь часов в воздухе.

Разумеется, он из тех людей, кто надевает полноценный костюм даже на перелёт. Резкий контраст с теми пятью слоями одежды, которые я в спешке натянула на себя.

Почему на мне пять слоёв, спросите вы? Всё просто: при регистрации выяснилось, что мой багаж превышает норму веса. А я человек принципиальный. Платить дополнительный сбор или что-то выбрасывать? Ни за что.

Поэтому сейчас я выгляжу так, будто пытаюсь побить рекорд Джоуи из «Друзей»: «А можно ли надеть ещё больше одежды?» Это не самый элегантный образ в моей жизни, но я всегда считала, что мода — способ самовыражения. И прямо сейчас моя одежда довольно честно выражает тот хаос, в котором я оказалась.

Но это уже детали.

Я краем глаза наблюдаю, как Эйдан переворачивает страницу газеты. Он до сих пор не посмотрел в мою сторону. Не повернулся. Не подал ни малейшего признака, что знает: рядом с ним сижу я.

Возможно, он меня не заметил. Возможно, заметил, но не вспомнил. Всё-таки мы не виделись восемь лет. А может, просто делает вид, что меня не существует.

Любой вариант звучит оскорбительно правдоподобно. И поскольку у меня, очевидно, есть талант собственноручно закапывать себя в могилу, я первой нарушаю тишину.

— Эйдан Синклер, какая встреча, — начинаю я, щедро приправив голос сарказмом. — Что читаешь? «Как быть самовлюблённым придурком: курс для начинающих»?

Эйдан наконец опускает газету и поворачивается ко мне.

На пару секунд на его лице появляется растерянность. Взгляд скользит по моему лицу, затем — ниже, по моему пятислойному шедевру вынужденной моды. Потом он приподнимает бровь.

Узнал.

— Скарлетта Митчелл, — усмехается он. — Боюсь разочаровать, но нет. На самом деле я читаю «Как справляться с раздражающими людьми: продвинутый уровень». Удивительно своевременно, кстати.

Вот оно.

Одно лишнее «а» — и восемь лет тишины мгновенно схлопываются до размеров школьного коридора.

— Скарлетт, а не Скарлетта, — однажды поправила его я.

— Конечно, Скарлетта, — ответил он тогда с той самой ухмылкой, за которую, я уверена, в аду выдают отдельные бонусы.

Придурок.

Я никогда не считала себя конкурентным человеком — до тех пор, пока не перешла в Оукридж Хай и не встретила Эйдана Синклера. Он умел превращать в соревнование всё: дебаты, школьные проекты, уроки физкультуры, даже очередность у кулера, если очень постараться. И, разумеется, ему нужно было победить. Почти каждый чёртов раз.

Иногда я всё же его обыгрывала. Редко. С огромным трудом. И, как правило, после этого он находил способ сделать вид, будто победа была либо случайностью, либо результатом вмешательства высших сил.

Эйдан Синклер стал проклятием моего школьного существования. Он не брезговал ничем, если это помогало ему добиться своего. Даже флиртовал с девчонками, чтобы заполучить их голоса на выборах президента класса.

В тот день, когда я узнала, что он уезжает из Нью-Йорка в Великобританию, я поставила «Party in the U.S.A.» Майли Сайрус на повтор и слушала её так долго, что соседи, вероятно, тоже почувствовали моё освобождение.

— Ой, как мило, — усмехаюсь я, возвращаясь в настоящее. — Но я удивлена, что единственный и неповторимый Эйдан Синклер летит бизнес-классом, а не первым. Что случилось? Семья перекрыла финансирование?

— Твоя забота о моём благополучии трогательна, — спокойно отвечает он. — Но, если удовлетворить твоё очевидное любопытство, то нет.

Я машинально прикидываю, хватит ли огнетушителя в салоне, чтобы потушить его пылающее эго.

Вряд ли. Даже десяти было бы мало.

— Знаешь, казалось бы, ссылка в Лондон должна была немного тебя приземлить, — продолжаю я. — Но, думаю, скорее на этом рейсе внезапно появятся единороги и эльфы.

Его обманчиво тёплые карие глаза встречаются с моими. Эйдан улыбается той самой улыбкой на миллион долларов — слишком спокойной, слишком уверенной и совершенно невыносимой. Потом выразительно постукивает пальцем по циферблату часов.

— Можно было бы подумать, что взросление научило бы тебя управлять временем, — произносит он. — Но, похоже, ты по-прежнему опаздываешь. Как всегда.

Ладно, признаю: я была последней, кто поднялся на борт.

Сначала я мчалась по залам Хитроу, пока из динамиков гремело: «Последний вызов на посадку для Скарлетт Митчелл». Потом пережила тот самый позорный проход по салону, протискиваясь между рядами и чувствуя на себе осуждающие взгляды пассажиров.

Но это не значит, что я обязана дать ему победить.

— Как мило, что ты всё ещё следишь за моим расписанием, — цежу я сквозь зубы. — Ностальгия?

— Скорее рефлекс самосохранения, — невозмутимо отвечает он, снова поднимая газету. — Когда рядом ты, лучше заранее знать, откуда ждать катастрофу.

— Простите, сэр? Мэм? У вас всё в порядке? — рядом с нашими креслами останавливается стюардесса.

— Да, — невозмутимо отвечаю я, указывая на Эйдана. — Этот мужчина представляет угрозу для всех на борту.

— А эта женщина — общественное бедствие, — сухо добавляет Эйдан.

Я прожигаю его взглядом. Эйдан в ответ улыбается — фальшиво, как в рекламе зубной пасты.

Стюардесса, на бейджике которой значится «Линдси», тихо усмехается, явно забавляясь нашим обменом любезностями.

— Мистер Синклер? Он совершенно безобиден, — говорит она и подмигивает ему.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

Разумеется. Спустя восемь лет он всё ещё магнит для женщин. Даже на высоте десять тысяч метров.

— Надеюсь, переезд обратно в Нью-Йорк пройдет удачно, мистер Синклер, — добавляет Линдси уже мягче. — Пожалуйста, дайте знать, если вам понадобится что-нибудь, чтобы сделать перелёт комфортнее.

Сердце у меня ухает куда-то вниз.

Я резко поворачиваюсь к Эйдану.

Какого чёрта? Он возвращается в Нью-Йорк? То есть совсем?

Эйдан едва заметно напрягается в кресле. На секунду его лицо становится другим: собранным, закрытым, почти чужим. Не нужно быть гением, чтобы понять: он не в восторге от того, что Линдси только что выдала эту новость.

Между нами повисает тишина.

Наконец он прочищает горло и, не глядя на меня, произносит:

— Спасибо, Линдси.

Ситуация вот-вот стала бы ещё более неловкой, но в салоне раздаётся голос пилота с приветственным объявлением, и я почти благодарна за вмешательство.

Линдси уходит, вероятно, готовится к демонстрации техники безопасности, но не раньше, чем одаривает Эйдана ещё одной кокетливой улыбкой. Он остаётся невозмутимым, будто не замечает.

Интересно.

Я пристёгиваюсь и откидываюсь в кресле, когда самолёт начинает движение. Несколько минут мы катимся по рулёжным дорожкам, потом выезжаем на взлётную полосу. Двигатели набирают мощность, колёса глухо стучат по бетону, и я закрываю глаза.

Во взлётах и посадках есть что-то почти физически неприятное — будто острый нож вонзается прямо в уши.

Когда мы наконец оказываемся в воздухе, я поворачиваюсь к Эйдану.

— Ну и чем ты занимался всё это время? Нобелевскую премию успел получить?

— Конечно, — отвечает он. — Получил Нобелевскую премию и заодно открыл две новые планеты.

— Всего две? Я ожидала большего.

— А ты? Нашла себе новые увлечения, кроме как проливать что-нибудь людям на голову? Я хмурюсь, сдерживая желание распахнуть иллюминатор и вытолкнуть его наружу.

Спокойствие. Думай о хорошем. Одуванчики. Бабочки. Ромашковые луга.

— Вообще-то да, — отвечаю с приторно-сладкой улыбкой. — Бокс. У меня даже есть груша с распечатанной фотографией твоего лица. Отлично снимает стресс.

Для протокола: это неправда. Но после этого перелёта я всерьёз подумаю о покупке спортивного инвентаря.

Эйдан чуть прищуривается.

— И какое именно фото ты использовала?

Я осторожно оглядываюсь по сторонам, будто собираюсь выдать государственную тайну.

— То самое. Из твоей предвыборной кампании на пост президента школьного совета.

— С дьявольскими рогами, которые ты пририсовала мне в старших классах?

— Именно. Заслужил один золотой балл.

В этот момент самолёт резко проваливается в воздушную яму. Я дёргаюсь в кресле и громко ахаю, вцепившись пальцами в подлокотник.

Эйдан, разумеется, остаётся невозмутимым.

— Ты жива? — сухо интересуется он. — Или нажать кнопку вызова экипажа?

— Со мной всё прекрасно, спасибо за заботу, — фыркаю я. — Хотя, признаться, я бы не отказалась от апгрейда соседа по креслу. Но, видимо, в жизни не всегда получаешь то, чего хочешь.

Я уже готовлюсь к очередной колкости, но Эйдан вдруг не улыбается. Его лицо меняется едва заметно: словно кто-то на секунду выключает в нём привычное самодовольство. Взгляд уходит куда-то мимо меня, пальцы замирают на краю газеты.

— Нет, — говорит он ровно. — Не получаешь.

Его голос звучит ниже обычного, ровнее, и в нём вдруг появляется что-то такое, чему я не сразу нахожу название.

Усталость? Горечь?

Нет. Не моё дело.

Я слатываю и откидываюсь в кресле. Это всего лишь один перелёт. Через несколько часов я выйду из самолёта и больше никогда его не увижу. И что с того, что он возвращается? Нью-Йорк огромный. Я спокойно останусь в своём маленьком пузыре, а Эйдан Синклер — в своём идеально выглаженном, самодовольном мире.

Вероятность снова столкнуться с ним ничтожно мала.

Решив, что мне срочно нужно отвлечься, я включаю экран бортовой системы и начинаю листать фильмы. Когда в подборке появляется «Реальная любовь», я невольно издаю радостный звук — возможно, чуть громче, чем следовало бы.

Смотрела ли я этот фильм уже тысячу раз? Да.

Выберу ли что-то другое? Нет.

— Не могла бы ты немного умерить энтузиазм? — внезапно говорит Эйдан. — Я вообще-то пытаюсь работать.

Я поворачиваю голову и замечаю, что он уже открыл ноутбук. Конечно. Перед его креслом лежат шумоподавляющие наушники, но пользоваться ими, видимо, слишком просто. Гораздо приятнее испортить мне настроение.

Некоторые вещи действительно не меняются.

— Не мог бы ты немного снизить уровень своей невыносимости? — парирую я. — Я пытаюсь смотреть фильм.

Уголок его губ едва заметно дёргается.

— А ты не могла бы перестать быть занозой в заднице хотя бы на время перелёта?

— Тогда, возможно, тебе стоит обратиться к физиотерапевту.

На его губах появляется самодовольная улыбка.

— В таком случае счёт за лечение я выставлю на твоё имя.

Я раздражённо хмурюсь. Если честно, у меня есть занятия куда приятнее, чем продолжать эту словесную дуэль. Например, вернуться к фильму, где люди хотя бы страдают красиво и под рождественскую музыку.

— Знаешь что? Делай что хочешь. Я больше с тобой не разговариваю.

— Я вижу белый флаг капитуляции.

— Заодно сходи к офтальмологу.

— И счёт тоже на тебя оформить?

— Как скажешь. Лишь бы тебе спалось спокойно.

— Мне казалось, ты закончила со мной разговаривать.

Закатив глаза, я откидываюсь в кресле, вставляю наушники и возвращаюсь к фильму. Краем глаза замечаю, как Эйдан снова утыкается в ноутбук.

Прекрасно.

Я мысленно закрываю вкладку с его присутствием — так же решительно, как закрывают всплывающее окно с сомнительной рекламой, — и отсекаю этот раздражающий фактор.

Следующие три часа проходят почти спокойно. Я досматриваю «Реальную любовь», позволяю себе бокал шампанского и ужин, который внезапно оказывается лучше моих ожиданий: овощи с киноа, жареный лосось и мороженое с сиропом на десерт.

Эйдан всё это время почти не отрывается от ноутбука. Иногда я замечаю движение его пальцев по клавиатуре, короткие паузы, взгляд в чёрный экран, будто он видит там не рабочие документы, а что-то гораздо менее приятное.

Не моё дело, напоминаю я себе.

В конце концов свет в салоне приглушают, и я воспринимаю это как официальный сигнал разложить кресло в полноценную кровать. Устраиваюсь поудобнее, надеваю маску для сна.

Я всегда завидовала людям, которые способны заснуть где угодно. Для меня сон в самолёте, да ещё и среди людей, обычно настоящая пытка. Но сегодня, возможно, виновато шампанское. А может, я просто вымотана самим фактом существования Эйдана Синклера на расстоянии одного подлокотника.

Так или иначе, сон накрывает быстро. И той ночью мне снится мой первый день в Оукридж Хай.

Длинный коридор. Гул голосов. Чужие взгляды. Запах лака для пола и школьной столовой. Я снова стою там — новенькая, слишком собранная снаружи и слишком потерянная внутри.

А где-то впереди кто-то смеётся.

Я не вижу лица, но уже знаю, кому принадлежит этот смех. И по какой-то странной причине голос у меня за спиной шепчет: всё начинается снова.

ГЛАВА 2

Billie Eilish — Bad Guy

Скарлетт

Я снова иду по коридору Оукридж Хай в свой первый день. Люди смотрят на меня, провожают странными взглядами, а я делаю вид, что не замечаю. Подбородок выше, плечи ровнее, шаг увереннее, чем я сама.

Коридор постепенно меняется: сначала становится школьным двором, а потом — спортзалом, заполненным лицами тех, кого я когда-то знала. Вокруг слишком много голосов, слишком много взглядов, слишком много прошлого, которое я вроде бы давно оставила позади.

Двери вдруг распахиваются, и в зал входит темноволосый парень. Сначала его лицо расплывается, но я уже знаю эти карие глаза, эту самоуверенную осанку и этот невозможный талант заставлять всех оборачиваться. Все головы поворачиваются к нему, будто он не школьник, а знаменитость.

— Кто это? — спрашивает кто-то рядом.

Я слышу собственный голос раньше, чем успеваю понять, что говорю:

— Мой парень.

Я резко открываю глаза и возвращаюсь в реальность: самолёт, приглушённый свет, тихий гул двигателей и ровное дыхание пассажиров вокруг.

Странно.

Я несколько раз моргаю, выпрямляюсь в кресле и смотрю на экран перед собой. Два часа двадцать две минуты до посадки в Нью-Йорке, если верить карте полёта. Забавно: мне мерещатся ангельские числа, хотя рядом, возможно, сидит самый настоящий дьявол.

Эйдан всё ещё спит. Его грудь ровно поднимается и опускается, тёмно-каштановые волосы чуть растрёпаны, пиджак снят, ворот рубашки расслаблен. Это, пожалуй, делает его почти человеком. Если бы он умудрился спать в полном костюме, у меня появился бы ещё один веский повод его презирать.

Я смотрю на него на пару секунд дольше, чем следовало бы, и тут же раздражённо отвожу взгляд.

Нет, даже не начинай.

Наверное, именно поэтому мне и приходит в голову абсолютно идиотская мысль: маленькая шалость, ничего серьёзного. Например, нарисовать ему на лице кошачьи усы. Он, скорее всего, даже не заметит.

Я тянусь к сумочке и достаю косметичку. Быстро нахожу подводку для глаз — моё временное оружие против мужского самодовольства. Это мелочно, по-детски и совершенно неприлично для взрослой женщины, которая пытается доказать миру, что способна управлять собственным бизнесом. Но после этого рейса я вряд ли когда-нибудь ещё его увижу, так почему бы не позволить себе маленькую глупость?

Я уже наклоняюсь к нему, когда Эйдан вдруг шевелится. От неожиданности я роняю подводку на пол, неловко наклоняюсь, поднимаю её и, выпрямившись, встречаюсь с его взглядом.

Он смотрит на подводку в моей руке, потом — на меня, и приподнимает бровь так, будто только что получил исчерпывающий ответ на все вопросы.

— Всё та же ты, — бормочет он.

— Разочарование взаимно, — напеваю я и убираю подводку обратно в сумку.

— Ну что, выпалась, растрёпа? — с насмешкой спрашивает он.

Я снова поворачиваюсь к нему.

— Очень. Мне, кстати, приснилось, что я вернулась в Оукридж Хай, а тебя бросили в бассейн с электрическими угрями.

Вторая часть, разумеется, выдумка. Но ему об этом знать необязательно.

— Любопытно, — отзывается он. — Видимо, всё дело в твоём мрачном воображении.

— Только когда это касается тебя, — улыбаюсь я.

Эйдан откидывается в кресле и подпирает подбородок рукой, будто собирается всерьёз проанализировать ситуацию.

— Дай-ка уточню. Сначала у тебя боксёрская груша с моим лицом, теперь тебе ещё и сны про меня снятся. Если бы я не знал тебя лучше, решил бы, что ты тайно мной одержима.

Я стискиваю челюсть.

Господи, какое же у него раздутое эго.

— Какая трогательная попытка выдать желаемое за действительное, — отвечаю я. — Но вероятность этого примерно такая же нулевая, как и твоя личная жизнь.

На его лице появляется тень усмешки.

— Тебя так интересует моя личная жизнь?

— Я бы предпочла смотреть, как сохнет краска, чем слушать об этом.

— Очень мило, Скарлетта.

Я закатываю глаза, но на этот раз не цепляюсь за лишнюю букву в имени. Меня всё ещё интересует другое, и, как бы неприятно ни было это признавать, любопытство оказывается сильнее желания молчать.

— Так почему ты возвращаешься в Нью-Йорк? — наконец спрашиваю я.

Эйдан на мгновение медлит. Совсем коротко, но я успеваю заметить: его взгляд становится осторожнее.

— По делам, — говорит он. — А ты что делала в Лондоне?

Понятно. Тема закрыта.

— Отдыхала, — отвечаю я. — Некоторые из нас действительно любят время от времени расслабляться и ездить в отпуск. Тебе стоило бы попробовать.

— У меня свои способы расслабляться, — невозмутимо замечает он.

Я фыркаю.

— Например? Составлять список людей, которым ты испортил настроение за день?

— Это был бы слишком длинный список, — спокойно отвечает он. — Боюсь, на него не хватило бы памяти в телефоне.

— Удивительно. И у кого теперь мрачное воображение?

Он тихо усмехается, но больше ничего не говорит. Вместо этого снова достаёт ноутбук, открывает его и погружается в работу.

Ну конечно.

Оставшаяся часть полёта проходит неожиданно быстро. И, что ещё удивительнее, между нами больше не звучит ни одной колкости. Возможно, первый шок от встречи со школьным соперником наконец сходит на нет, и мы оба решаем вести себя как взрослые люди.

По крайней мере, временно.

Не успеваю опомниться, как самолёт приземляется в нью-йоркском аэропорту имени Джона Кеннеди. Щелчки ремней безопасности, шарканье ног и глухие удары открывающихся багажных полок резко возвращают меня с небес на землю.

Я встаю и тянусь к своему чемодану в верхнем отсеке, но быстро понимаю: с моим ростом и сегодняшним количеством слоёв одежды это будет отдельное испытание.

Тем временем Эйдан, стоящий напротив, без труда открывает свою полку и снимает багаж. До меня доходит, что в нём почти метр восемьдесят пять. В школе он уже был высоким, но после Лондона, похоже, природа решила добавить ему ещё несколько сантиметров просто для драматического эффекта.

Серьёзно, почему пубертат так благосклонен к самым невыносимым людям?

Эйдан ловит мой взгляд.

— Помочь? — спрашивает он с такой усмешкой, будто уже знает ответ.

— От тебя? Нет уж, спасибо. Я справлюсь.

Он приподнимает бровь.

— Уверена?

— Как никогда, — улыбаюсь я.

— Как скажешь.

Он отступает на полшага, но не уходит.

Разумеется.

Теперь он просто стоит рядом и наблюдает, как я тянусь к ручке чемодана, балансируя на цыпочках и стараясь не выглядеть так, будто вот-вот объявлю войну багажному отсеку.

— Не утруждай свою хорошенькую головку, у меня всё под контролем, — бросаю я.

— Я и не утруждаю, — спокойно отвечает он. — Но «хорошенькую головку», говоришь?

— Это просто выражение. Не обольщайся.

Я снова встаю на цыпочки и тянусь к ручке.

Безрезультатно.

— Эй, вам помочь? — вдруг раздаётся рядом. Светловолосый мужчина, на пару лет старше меня, кивает на мой чемодан.

Я поворачиваюсь к нему и, возможно, улыбаюсь чуть шире, чем необходимо.

— Вообще-то да. Это было бы замечательно. Спасибо большое.

— Пожалуйста, — отвечает он и без особых усилий снимает мой чемодан с полки, аккуратно ставя его на пол. — Вот и всё.

Он подмигивает.

— Ещё раз спасибо, — говорю я, улыбаясь в ответ.

Когда я выдвигаю ручку чемодана, краем глаза замечаю Эйдана. Он стоит неподвижно, с тем самым выражением лица, которое трудно прочесть сразу: вроде бы всё ещё спокойный, но челюсть напряжена чуть сильнее, чем секунду назад.

Интересно.

Но я, разумеется, не собираюсь придавать этому значение.

Мы выходим из самолёта. Я качу чемодан по проходу, а затем по трапу, пытаюсь не думать о том, что после восьми часов рядом с Эйданом Синклером даже воздух аэропорта кажется почти свободой. Почти — потому что каким-то образом он снова оказывается справа от меня.

— Хватит идти за мной, — тяну я.

— Если ты вдруг не заметила, к выдаче багажа ведёт всего один проход, — замечает он.

— Значит, я доберусь туда раньше тебя.

— Попробуй.

Он разворачивается и идёт вперёд. Спина идеально прямая, шаг уверенный, размеренный, целеустремлённый. Конечно, даже выход из самолёта он способен превратить в демонстрацию превосходства.

Я хмурюсь и ускоряю шаг. Через несколько секунд догоняю его, и, когда он оборачивается, на его лице мелькает удивление. Я отвечаю самой невинной улыбкой, на которую способна.

До паспортного контроля мы добираемся довольно быстро и встаём в разные очереди. Разумеется, моя движется со скоростью улитки, которая к тому же переживает личностный кризис. К тому моменту, как я прохожу контроль и подхожу к ленте выдачи багажа, Эйдана нигде не видно.

Неужели он уже ушёл?

Стоит этой мысли появиться, как он оказывается слева от меня. Мы одновременно поворачиваем головы и смотрим друг на друга.

Финальный этап.

Глупо? Да. Остановит ли это нас? Конечно нет.

Мы оба следим за лентой, ожидая, чей чемодан появится первым. Я была последней, кто сдавал багаж, значит, теоретически преимущество должно быть на моей стороне. Теоретически.

Через несколько минут Эйдан делает шаг к ленте, небрежно протягивает руку и одним плавным движением снимает свой чемодан с транспортёра. Всё в этом движении выглядит слишком легко: рука, плечо, спокойная уверенность человека, которому даже багажная лента почему-то подыгрывает.

Он поворачивается ко мне и слегка склоняет голову с той самой улыбкой победителя, которую я помню ещё со школы.

Я прожигаю его взглядом.

В ответ он смотрит на меня так, будто великодушно разрешает мне пережить поражение, и уходит, увозя багаж.

Мой чемодан появляется только через пять минут.

К этому моменту я вспоминаю, что на мне до сих пор пять слоёв одежды. Ставлю чемодан на пол, расстёгиваю его, снимаю верхние два слоя и запихиваю внутрь. Потом откидываю прядь длинных чёрных волос за ухо, берусь за молнию и пытаюсь закрыть чемодан.

Молния не двигается.

Я тяжело вздыхаю и дёргаю снова.

И ещё раз.

Безрезультатно.

Прекрасно.

Именно этого мне не хватало посреди аэропорта имени Джона Кеннеди: публичной борьбы с собственным чемоданом.

— Если продолжишь так дёргать, она сломается, — внезапно раздаётся голос за моей спиной.

Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы понять, кому он принадлежит.

Эйдан.

— Никто не просил твоих комментариев, — бормочу я и дёргаю молнию ещё раз, уже скорее из принципа, чем из надежды на успех.

— Если у тебя есть карандаш, графит может помочь. Он работает как смазка, — спокойно говорит Эйдан.

— Твоих непрошенных советов тоже никто не спрашивал.

— Мыло тоже подойдёт.

Я наконец оборачиваюсь и задираю голову, чтобы посмотреть на него. В его карих глазах пляшет веселье, и по лицу ясно видно: ему слишком нравится наблюдать за моей борьбой с чемоданом.

— Никто не любит всезнаек, — выдыхаю я.

— Если нет карандаша или мыла, можешь попробовать бальзам для губ.

В какой-то момент я сдаюсь, отпускаю чемодан и выпрямляюсь, скрестив руки на груди.

— Ладно. Почему ты вообще всё ещё здесь?

— Мне сообщили, что мой водитель опаздывает.

Мой взгляд задерживается на двух чемоданах рядом с ним. Как он вообще умудрился уместить всё в два, если переезжает в Нью-Йорк? Если бы я меняла город или страну, мне понадобилось бы минимум десять. И отдельная машина только для обуви.

Я окидываю его внимательным взглядом с головы до ног. Даже после восьмичасового перелёта он выглядит так, будто не выходил из самолёта, а сошёл с красной дорожки: костюм почти не помялся, волосы в порядке, лицо спокойное, собранное, раздражающе свежее.

Большинство людей после трансатлантического рейса выглядели бы усталыми, помятыми и слегка потерянными. Эйдан Синклер, разумеется, выглядел так, будто последние восемь часов провёл не в самолёте, а в кресле личного стилиста.

— Ты уже закончила меня разглядывать? — усмехается он, возвращая меня к реальности.

Моё лицо мгновенно каменеет.

— Я просто подумала, что, возможно, твой водитель не горит желанием видеть твоё возвращение в Нью-Йорк и поэтому решил не приезжать.

Губы Эйдана сжимаются в тонкую линию.

— А может, он просто был занят подготовкой к моему возвращению домой.

— Да, сжигая шалфей, — отвечаю я. — Хотя, кажется, это стоит делать уже после твоего возвращения.

Он собирается что-то сказать, но его телефон вибрирует. Эйдан смотрит на экран, и уголок его губ чуть заметно приподнимается.

— Похоже, мой водитель на месте. Полагаю, ты ошиблась, Скарлетта.

— Я переживу.

— Не сомневаюсь. — Он берётся за ручку чемодана и делает шаг вперёд, но затем останавливается. — Не переживай, я буду держать тебя в мыслях и надеяться, что ты успеешь домой до полуночи, Золушка.

Золушка?

У меня перехватывает дыхание от этого прозвища. Хочется вытащить из чемодана всю одежду и по одной швырнуть ему в лицо, но я ограничиваюсь улыбкой, настолько сладкой, что от неё, вероятно, можно получить кариес.

— Я бы назвала тебя Прекрасным принцем, но, к сожалению, ты им не являешься.

На его челюсти на секунду дёргается мышца. Выражение лица бесценно, и мне почти жаль, что я не успеваю его сфотографировать. Но уже в следующий миг он снова улыбается — спокойно, самодовольно, как человек, который никогда не позволит мне насладиться победой слишком долго.

— Как мило. Но я предпочитаю «король», а не «принц».

— Жаль, что ты и не король.

Он уходит, увозя багаж, и несёт себя так, будто вся зона прилёта действительно прин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.